

Раздел II. Субъекты и практики социального конструирования

А.А. ПЕЛИПЕНКО

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ МЕДИАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме интерпретации конструирования реальности как психосферной медиации — продуктивной связи человеческой ментальности с квантовым миром. Предлагается модель воплощения, экспликации квантовых паттернов в эмпирическом мире с помощью интенциональных импульсов человеческой психики. Рассматривается роль сознания, воли, психо-ментальных настроек вообще, а также знаковых кодов в этом процессе.*

***Abstract:** The article deals with the interpretation of the construction of reality as a psycho-spheric mediation — a productive link of human mentality to the quantum world. The author proposes a model of embodiment, the explication of quantum patterns in the empirical world through intentional impulses of human psyche. The article examines the role of consciousness, will, psycho-mental settings in general, and the importance of the iconic codes in this process.*

***Ключевые слова:** ментальность, психосфера, паттерн, потенциал, интенция, воля, когеренция, констелляция, интерференция.*

***Keywords:** mentality, psycho-sphere, pattern, potential, intention, will, coherence, constellation, interference.*

Нижеследующие заметки — прямое продолжение тем, затронутых в первой статье настоящего альманаха. Не имея возможности даже вкратце изложить исходные теоретические основания, не говоря уже о должной

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник МПСУ (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

аргументации, отсылаю читателя к тезисам, приведенным в этой статье. Напомню лишь о том, что медиационная парадигма исходит из постулирования дуализма эмпирического (ЭМ) и имплицативного (ИМ) миров. Первый – мир наличного развёрнутого (в терминах Д. Бома) порядка, тогда как мир имплицативный или запредельный – это мир свёрнутого порядка, мир квантовых констелляций и вероятностных паттернов. Буферная зона между мирами обозначается термином *психосфера*, а феноменом, обеспечивающим продуктивную медиацию между мирами, выступает *интенциональность*.

Отгалкиваясь от идей Бома о том, что все феномены сущего претерпевают перманентное сворачивание и разворачивание в каждую наносекунду, медиационная парадигма строит свою ключевую исследовательскую интригу на постижении условий и режимов переходов от квантовых (говоря физическим языком, классических) состояний к эмпирическим. Один из важнейших аспектов здесь – роль сознания в процессе конструирования реальности. Именно самой реальности, а не представлений о ней или её концептов.

Исходя из медиационной парадигмы, можно сказать, что Культура – наиболее сложный и тонкий по своей интенционально-энергетической структуры уровень сущего – это своего рода «проект» изменения соотношений вероятностных потенциалов ИМ. Полуосознанная цель этого изменения – самоперedefinition человеком самого себя в контексте сложных отношениях с культурой. Поэтому, любые культурно-исторические практики подспудно направляются общей глубинной целью – расширить и скорректировать режимы психосферной медиации (ПМ) и тем самым *изменить собственную онтологию*. Лишь на этом пути человеческая экзистенция приближается к обретению наиболее полной, в идеале – абсолютной, (что невозможно) сопричастности миру и совпадению с самим собой (что тоже невозможно). При этом, устремляясь к совпадению/партиципации со своими «духовными двойниками» – суть субстратными психосферными матрицами, сознание, особенно раннее, редко ловит себя на том, что само участвует в их конструировании.

О паттернах ИМ как таковых сказать можно немного; язык ищет эмпирические характеристики, которых в ИМ нет. Там есть лишь квантовые системы, которые изменяются всеми возможными путями сразу. Эмпирические характеристики начинают появляться в системе, когда она испытывает воздействие извне и квантовые суперпозиции, претерпевая декогеренцию, разрушаются. В КМ такие воздействия принято связывать с актом наблюдения/измерения. В связи с этим, примечателен так называемый эффект Зенона: в случаях, когда речь идёт о системах с дискрет-

ным энергетическим спектром, непрерывное отслеживание состояния системы блокирует её разрушение, что уже само по себе есть элемент конструирования.

Изолированная квантовая система с нулевой энтропией находится, по фон Нойману, в чисто квантовом состоянии, которое описывается волновой функцией (вектором состояния)¹. Взаимодействие с окружением редуцирует «плюрализм» квантовой перспективы, богатство её потенциалов до некоей «усреднённой» величины. «Абстрактная» квантовая корреляция всего со всем сворачивается до гораздо более узкого, но зато «нацеленного» на актуальное проявление сектора связей. Физики называют это переходом от «истинно многочастичного» описания к приближению *среднего поля*, с которым и имеют дело исследователи. В нашем дискурсе, воздействие «диссипативного окружения» в общем случае представлено интенциональным вектором, направляемым *человеческой психикой*. Физики в таких случаях, как правило, ограничиваются понятием *сознания*, но мы не можем забывать и о том, что подавляющая часть интенциональных импульсов направляется психикой бессознательно. Изменения, происходящие с имплицитивным паттерном под воздействием извне, инициируют процесс его экспликации, распаковывания в ряду онтологических состояний (проекций), где мера проявленности колеблется от полужфемерных психосферных образований до полностью объективированных эмпирических феноменов. Одним из физических показателей этой меры выступает, как уже отмечалось, степень «сцеплённости» (entanglement) квантовой системы с окружением, что вызывает эффект констелляции квантовых и эмпирических свойств.

Открытые, т.е. «сцепленные» с окружением квантовые системы, ограниченные в некоем коридоре возможностей, описываются уже не с помощью волновой функции, где присутствуют все возможные состояния, а с помощью *матрицы плотности*², — *итога суммирования по степеням свободы окружения*. Измерение фиксирует систему с определённым набором вероятностей в одном из *pointer states*, и частичная потеря потенциальных состояний и инициирует нарастание энтропии и движение в сторону эмпирической экспликации.

Нарастания эмпирических свойств усиливает *детерминизм*. Но, если физики говорят, что необратимый акт измерения «закрывает» систему в

¹ Волновая функция или вероятностная волна — волна в квантовой механике, которая кодирует вероятность, что частица будет найдена в данном положении. Коллапс волновой функции — гипотетический процесс, в котором она переходит из распределенной к психообразной форме.

² Блум К. Теория матрицы плотности и ее приложения. — М., 1983.

определённом секторе возможных состояний, то в нашем дискурсе акт замыкания/ограничения совершается интенциональным импульсом, свойства которого *и задают параметры этого ограничения = выбора направления изменений*. Грубо говоря, здесь работает принцип: «как аукнется, так откликнется». С точки зрения проблемы детерминизма, механизм распаковывания имплицативного паттерна можно представить следующим образом. Абсолютно чистых квантовых систем практически не существует; любая из них хотя бы в ничтожно малой степени сцеплена с окружением. Это значит, что спектр её возможных эмпирических экспликаций изначально ограничен и детерминирован ничем иным как *онтологией* (чем ещё могут определяться степени свободы окружения при определении матрицы плотности?) *воздействующего на неё окружения*. Ведь интенциональный импульс — не просто механический инструмент воздействия, но *онтологический слепок самого агента воздействия*, его продление в интенциональном луче. Ответ системы на каждый интенциональный импульс — своего рода акт выбора, хотя в строгом значении это слово применимо лишь к феноменам сознания. Акты эти — суть шаги, последовательно сокращающие поле присущих квантовым объектам обратимых недетерминированных изменений. «Конечный пункт» — мир плотных физических тел и полностью объективированных эмпирических феноменов — точка максимальной пространственно-временной о-пределённости и причинно-следственного детерминизма. Но «по дороге», где на систему воздействуют интенциональные импульсы различных уровней и онтологий — от простых физических до биологических и культурных, возможны самые разнообразные соотношения квантовых и эмпирических свойств. Прежде всего — спектр степеней локализации во времени и пространстве.

Таким образом, любое эмпирическое образование, в широком смысле — *форма*, посредством излучаемых ею интенционально-энергетических импульсов, «расслаивает» квантовые системы и распаковывает прежде всего те их проекции, которые реализуют существование самой данной формы в следующую наносекунду. Этот базовый для всякой эмпирической формы тип отношений с запредельным можно назвать *автомедиацией*. Процесс расслоения переводит волновое состояние квантовых систем с их фазовым ритмом в дискретные, где имеет место детерминизм измеряемых величин и переходов. Такова самая общая формула медиации между эмпирическим и запредельным мирами.

Привычное к законам ЭМ мышление подталкивает нас к представлению об изменениях во времени *одной и той же квантовой системы (паттерна)*. Но это не так. Темпоральная изменчивость здесь иллюзорна. То,

что глядя из нашего термодинамического мира, представляется изменением во времени некоей объективной онтологической данности, с позиции «оттуда» предстаёт *расслоением* квантовой системы, на совокупность её относительно дискретных проекций-состояний. Устанавливая непрерывную медиацию с последовательным³ рядом проекций, сознание интерпретирует полученный перцепт как *изменяемый во времени*. Если это так, то разрушение изначальной квантовой системы предстаёт не необратимым каузально-темпоральным процессом, а распадом на пакеты вероятностных паттернов, каждый из которых являет собой особую констелляцию квантовых и не-квантовых свойств, свою степень каузального детерминизма и вовлечённости в пространственно-временной континуум.

И, что особенно важно, человеческая психика в принципе способна обращаться к *любому* из этих паттернов, в некоторой степени способствуя его экспликации или наоборот, снижая возможность таковой. В рамках этой модели позволяет говорить о *сохранении квантовых интерференций*, что не только соответствует специфической логике квантового мира, но и подтверждается экспериментами трансперсональной психологии (ТП)⁴ не говоря уже о бесчисленных фактах наблюдения феномена экстрасенсорной перцепции (ЭСП).

Обычно сохранение квантовых интерференций усматривают в акаузальных далекодействующих корреляциях⁵, которые КМ связывает с *эффектом нелокальности* (К1. Гл. 1 и 3), которые могут проявляться в интуитивных озарениях, мистических аналогиях, совпадениях, пре- и ретрокогниции, синхронизмах по Юнгу и т.п., т.е. везде, где психика/ментальность обращается параллельно к *разным паттернам, из ряда распаковки общей для них квантовой системы (интерференции)*. Иными словами – считывает одновременно два (иногда более) варианта реализации в ЭМ какого-либо явления. Особую роль в считывании или «вытягивании», «выуживании» из психосферы параллельных/альтернативных версий тех или иных таковостей играют семантические коды.

Положение о сохранении квантовых интерференций можно считать в определённом смысле краеугольным камнем для понимания природы запредельного. И не только потому, что оно тесно увязывается с широким

³ Последовательность здесь означает связь не темпоральную, каковой в квантовом мире нет, а скорее, генетическую.

⁴ Об опытах в области парапсихологии не упоминаю, поскольку само это слово действует на авгуров академической науки, как красная тряпка на быка, что впрочем, не снижает валидности результатов этих опытов.

⁵ Напомню, что квантовый феномен, в котором пространственно разделенные частицы имеют коррелированные свойства, называется квантовым запутыванием (entanglement).

рядом концепций от различных версий Multiverse до теории торсионных полей⁶. Это положение — ключ к онтологии психосферы. Ведь каждое «промежуточное» состояния на пути разрушения квантовой системы не отправляется в небытие необратимой стрелой времени, а сохраняется как самостоятельный потенциал, обладающий энергией интенционального импульса, направленного к воплощению в ЭМ. Подхватывая и присоединяя энергию обращённых к ним из ЭМ интенций, такие потенциалы-паттерны обретают статус психосферного существования, онтологически располагаясь между «маленьким хаосом вероятностей» исходной квантовой интерференции и полностью объективированными феноменами ЭМ.

Каждый из них «существует» в психосфере в виде потенциально неограниченного числа вариаций — констелляций с изменяемыми в определённом диапазоне параметрами. И если условная совокупность всех состояний системы можно назвать *пакетом* потенциальных воплощений, то названные «ответвления» — *подпакетами*. Количество квантовых версий — подпакетов неограниченно, поскольку они не задаются заранее, а возникают всякий раз как результат декогерирующего воздействия окружения. Причём воздействие это могут оказывать как интенциональные векторы, направляемые из ЭМ, так и «соседние» психосферные образования; ведь для интенциональных полей дуализма миров не существует. К тому же, известно, что квантовые системы могут декогерироваться и без воздействия извне.

Здесь нас подстерегает психологическая ловушка онтологизма. Когда мы говорим о том, что сознание вызывает из ИМ \ психосферы те или иные акты существования, в представлении тотчас возникает двойкий образ этого вызывания: либо интенциональный импульс мысли «вытягивает» из потенциального мира то, что там *уже есть*, либо сам каким-то образом *создаёт, формирует* этот потенциал. Здесь присущий сознанию *эмпирический реализм*, распинающий любое представление в координатах времени и пространства подталкивает мысль к тому, чтобы поддаться иллюзии и представить квантовые констелляции как некую *предустановленную в прошлом заготовку*. Действительность же состоит в том, что конфигурирование паттернов ИМ в психосфере оказывается трудно представимым соединением первого и второго. Поскольку квантовые системы — «субстраты» паттернов ИМ существуют вне эмпирического пространственно-временного континуума, то говорить о том, что они там присут-

⁶ Эта теория, основанная на интерпретации эффекта дальнегодействия, имеет в научной среде неоднозначный статус и потому, апеллировать к ней не стану. Что же до концепций Multiverse, то развитие этой интереснейшей темы увело бы нас слишком далеко от основной темы.

ствуют *заранее* – невозможно. Единственная их количественная характеристика – *степень вероятности* воплощения. Чем уже коридор «запирания» квантовой системы, чем сильнее каузальный детерминизм и определённое пространственно-временные координаты, тем выше, соответственно, степень вероятности воплощения данного паттерна в ЭМ.

О психосферных образованиях как о таковых нельзя говорить в категориях бытия. Их бытийственность обнаруживает себя лишь тогда, когда тот или иной потенциал «конденсируется» и из «распылённого» нелокального состояния и опредмечивается в восприятии культурного субъекта, пославшего в психосферу соответствующий интенциональный импульс – «запрос». До этого момента вопрос о том существуют ли те или иные психосферные потенциалы или нет – неправомерен. Можно спрашивать лишь о том, к какой мере и в каком онтологическом модусе возможно их воплощение, тогда как его имплицитное существование создаётся уже самой мыслью о нём. Впрочем, вопросов здесь может быть немало: от каких уже воплотившихся паттернов (и их ответвлений) можно получить нужную версию? Какие семантические ключи использовать для аккумуляции интенциональной энергии психики? И только ли психика участвует в формировании и направлении импульса? Эти вопросы пока придётся оставить без ответа; ведь мы лишь немного приблизились к дверям запредельного. Попробуем пока что представить хотя бы некоторые обстоятельства, от которых зависит вероятность воплощения.

Поскольку по пути из имплицитного состояния в эксплицитное, интерференция подавляет движение почти по всем направлениям (траекториям) кроме тех, что соответствуют принципу *наименьшего действия*, то именно этот принцип в значительной мере и определяют степень вероятности экспликации (воплощения) того или иного паттерна. Однако, в ряде случаев, обладающая определёнными настройками человеческая ментальность способна вопреки действию этого принципа, реализовывать иную перевальную траекторию, волевым путём выбирая и продвигая её к воплощению в ЭМ. На этом и основан феномен магии в широком его понимании.

Участие ментальности (для физиков, напомним, – сознания) определяется, прежде всего, её эволюционной филогенией. Только у человека нейродинамическая система достигла эволюционного уровня, позволяющего посылать в ИМ *направленные интенциональные импульсы*.

Среди факторов, определяющих специфику человеческий режима ПМ со стороны человеческой ментальности, следует выделить, по меньшей мере, три:

- *сила, энергетическая наполненность импульса,*
- его сфокусированность, т.е. интенсивность,

— онтология посылающего импульс — его бытийственная квинтэссенция, транслируемая в интенциональном векторе.

Другая сторона процесса ПМ представлена объективной, в смысле не зависящей от человеческой ментальности группой факторов. Объективность эта задаётся двойным разрывом: между не знающей, казалось бы, границ человеческой фантазией и психо-энергетической онтологией самой ментальной сферы. Ведь направляемый в психосферу импульс — это «эманация» второго, а не первого. Иными словами, направляемый человеком (группой) в психосферу интенциональный импульс отражает не то, что желается или о чём думается, а то, что направляющий (направляющие) *собой представляют онтологически*. Решающие различия здесь, разумеется, связаны не с физической онтологией, а с содержательным «наполнением» культурно-смысловых полей, которое, как правило, самими направляющими не осознаётся.

Существует разрыв между образом желаемого «вызываемого» акта существования и степенью вероятности его воплощения с позиции «оттуда». Степень эта определяется уже *онтологией самого вызываемого* — шириной и характером репертуара возможных изменений, предопределённых его «квантовой историей» — генетической цепочкой «предшественных» расслоений исходной квантовой системы. Иными словами, человек может вообразить всё, что входит в пределы его культурного опыта. И даже самые фантастические образы, имеют некоторый, отличный от нуля потенциал эмпирического воплощения. Но вероятность в этих случаях исчезающее мала, поскольку:

— для воплощения такому потенциалу необходимо «пробиться» сквозь плотные энергетические поля и «обойти» потенциалы, вероятность воплощения которых значительно выше⁷. Это, прежде всего, пакеты, паттерны из которых уже однажды распаковывались — воплощались в ЭМ. Эти «квантовые двойники-субстраты» эмпирических феноменов, обладают достаточной энергией, чтобы создавать устойчивые образования — *квантово-психосферные энграммы*⁸. Возникают они оттого, что однажды воплотившийся акт существования в следующую наносекунду претерпевает *рекогеренцию своих квантовых полей* или в терминах Д. Бома, — *сворачивание*. При этом «образ» развёрнутого состояния *сохраняется в психосфере как энграмма*. Это значит, что элементы квантовой системы, «вновь» при-

⁷ Отражение борьбы квантовых потенциалов за возможность воплощения в ЭМ нашла отражение в концепции *квантового дарвинизма* В. Зурека, хотя описана она у него в иных, чисто физических терминах.

⁸ Значение этого термина в нашем контексте было разъяснено в Книге 1 (глава 3), где речь шла об эпистемологии психосферы.

обретая нелокальные свойства и возможности участия в иных конфигурациях запутанности, «помнят» о своей ситуационной вовлечённости в однажды проявленную форму⁹. Поэтому вновь актуализовать её изменённую эмпирическую версию легче, нежели сконфигурировать новый имплицативный пакет, т.е. создать квантовый субстрат того, чего никогда раньше не существовало¹⁰.

Такие пакеты, однако, возникают, но не произвольно. Если характер и направление расслоения квантовых систем зависит от воздействия окружения, стало быть, онтология того, что проявляется «на выходе», определяется соответственно онтологией этого окружения, т.е. «содержанием» направляемых им интенциональных импульсов. И здесь, помимо изменений внутripакетных, флуктуационных, происходят, хотя и гораздо реже, изменения межпакетные, условно говоря, мутационные. Они-то и приводят к образованию новых имплицативных пакетов. Те из них, что имеют по сумме факторов наибольшую степень вероятности воплощения, стоят условно вторыми в очереди у границы миров.

Все названные потенциалы создают в психосфере «плотные слои», через которые потенциалам слабым, созданным одной лишь произвольной человеческой мыслью, пробиться невозможно. В ряде случаев, такие потенциалы усиливаются когерируясь с уже имеющимся в психосфере устойчивыми образованиями — *психическими матрицами*. Последние обладают не только определённой структурной конфигурацией возможного набора эмпирических форм, но и достаточной энергией для их воплощения.

Отсюда — универсально распространённые в Культуре магиго-мистические (позднее религиозные) поиски в запредельном мире помощников для осуществления своих замыслов. При этом надеясь использовать запредельные силы в своих интересах, человек нередко сам, оказываясь индуцирован интенциональными энергиями психосферных образований, попадает в зависимость от них. Типология этой зависимости, как и магические и психотехнические приёмы её преодоления — универсальная тема Культуры, вариации которой присутствуют во всех ЛКС вплоть до современности.

На бытовом уровне, каждый знает, что есть мысли, идеи и намерения, которые идут будто бы «в струе», подхватываясь незримыми векто-

⁹ Доказать это положение с помощью математического и экспериментального аппарата КМ пока невозможно, но это не значит, что оно чисто спекулятивно: история общения человека с психосферными образованиями даёт ему огромное количество подтверждений, к которым обратимся позже.

¹⁰ Именно такие чисто флуктуационные изменения и составляют подавляющее в количественном отношении число изменений во Вселенной.

рами высоких вероятностей а иные, направляемые произвольной человеческой субъективностью (индивидуальным *Эго*), — идут против течения высоко вероятных событий, со всеми вытекающими из этого последствиями. Возврат экзистенции в русло «естественного хода вещей» с минимальным разрушением достигнутого уровня *Эго* — одна из главных тем общения человека с запредельным через посредство культуры. При этом каждая культура и вписанный в неё человек, делая ставки в игре с запредельным, преследуют свои особенные цели. Совпадение/несовпадение своих мыслей и устремлений, т.е. направляемых в запредельный мир интенциональных импульсов с действующими там силами и вероятностными конфигурациями, рефлексировалась сознанием со времён его возникновения. Ранние формы этой рефлексии этнографы наблюдают у представителей современных первобытных народов, где «правильные», «истинные» слова, намерения и действия, равно как и вещи, события, места — т.е. любой таковости, связываются с наполненностью маной¹¹ — безличной психо-энергетической субстанцией. Позднее, речь уже шла о покровительстве и благорасположении богов (Бога), благодати, благословении, святости и т.п. Противоположные смыслы изначально кодировались идеями осквернения, порчи, лжи, инверсивного переворачивания и т.п., позднее — несправедности, заблуждения, своеволия, и в широком понимании, греха. Идея греха, универсально представленная в религиях спасения отражает не столько реалии социальной жизни, сколько рефлексии определённого уровня и характера взаимоотношений с запредельным. Отсюда невротично-экзальтированное стремление к очищению и жажда восстановления сакральной санкции на своё социальное бытие. В средневековом авраамизме эти устремления приобрели характер навязчивой идеи, доходящей в некоторых субкультурных традициях до массового психоза.

Во всех мировоззрениях, кроме материалистического, которое объявляет запредельным мир несуществующим, последний априорно полагается высшей и первичной реальностью, тогда как мир эмпирический — его инобытием. Примечательно, что сходной точки зрения нередко придерживаются и физики. Они часто говорят о том, что квантовый мир не просто богаче, «объемнее», разнообразнее термодинамического макромира, но, что все подлинные события и связи содержатся в микромире, а макромир — область их плоских, вторичных проекций, запертых в детерминизме пространственно-временного континуума, а то и вовсе иллюзия. Не знаю, как насчёт физиков, но у человека МРС такие воззрения не

¹¹ Это меланезийское слово, имеющее множество аналогов в языках других архаических народов, приобрело значение общепринятого термина.

могли возникнуть ни из освоения эмпирической реальности как таковой, ни из диалога с пустотой. Есть все основания заключить, что психика человека постоянно находится под индуцирующим воздействием психосферных образований, и лишь некоторый сектор этих воздействий рефлексивируется сознанием. Но и того, что рефлексивируется оказалось довольно, чтобы создать колоссальный культурный пласт, вбирающий в себя многообразный опыт ПМ. Один из аспектов этого опыта, к которому неоднократно возникнет необходимость обращаться — *психофизический дуализм*. Идея о том, что всё существующее имеет своё повторение на небесах, причём первичны (субстанциональны) сущности именно небесные, для мифоритуального сознания фундаментальна и представлена в бесчисленных вариациях. Идея о «духовных двойниках» не только «сыграла важную роль в общей истории дуализма» (Элиаде), т.е. имеет отношение не только к генезису «представлений», но и приоткрывает путь постижения самого опыта, лежащего в их основе.

В медиации с психосферой участвуют все уровни существования, объединённые в целостном феномене человека: и неорганический (физические и химические соединения) и органический (клетки, ткани и т.д.). Но медиации этих уровней, в целом, рутинны и проходит мимо сознания. Исключение составляют особые психотехники, направленные на рефлексивность медиационных процессов. Однако, в общем случае, экзистенциально содержательным уровнем ПМ осознаётся тот, что осуществляется посредством семантических кодов в культурно-смысловом пространстве. Его «наполнение» образует особый «сектор» (слой) психосферы. Но представление этого сектора как отдельной эволюционной надстройки над уровнями субреальности, «ответственными» за существование неживого и живого миров неточно. В психосфере всё переплетено: квантовые энграммы¹² и психические матрицы, обладая нелокальными свойствами, могут параллельно участвовать в разноуровневых структурах, создавая между ними когерентные связи и, в обширном классе случаев — фрактальные отношения.

Будь это не так, трансперсональные партиципационные отождествления сознания (опыты С. Грофа) с животными, растениями и, тем более, металлами, камнями и т.п., были бы невозможны. В то же время, представление о психосфере как о хаосе связей всего со всем также неверны.

¹² Здесь следует пояснить довольно сложное для наглядного представления обстоятельство — *двунаходимость квантовой энграммы*: она пребывает одновременно и в психосфере, и в самой ментальной сфере человека, что и делает возможным актуализацию — «протягивание» между ними интенциональной связи.

Такие связи существуют, но лишь потенциально. Условия актуализации тех или иных связей зависят от *структурного качества энергий* интенциональных потоков (векторов), эти связи осуществляющих. Качество это, в свою очередь, определяется, как уже говорилось, самой онтологией той формы в ЭМ, которая излучает интенциональный импульс — «эманацию» этой самой онтологии с присущей ей квантовой «генетикой». По «зонам» действия эволюционно разнокачественных интенциональных энергий, пространство психосферы можно представить состоящим из диффузно взаимопроникающих, но всё же некоторым образом разделённых слоёв. А метафорой этого разделения служит скорее не пирог, а матрёшка.

Итак, «субстанцию» запредельного мира составляют трансцендентные ЭМ имплицитные квантовые паттерны. Будучи связаны с ЭМ всепроникающими интенциональными потоками, они эксплицируются в ряду субреальных состояний от минимальной до максимальной степени проявленности. Каждое из этих состояний фиксирует особую конфигурацию квантовых и не-квантовых свойств; нарастание последних сопровождается усилением каузального детерминизма и локализации в пространственно-временном континууме. Область названных «промежуточных» состояний — психосфера; именно в неё попадает психика, устремлённая к медиации с запредельным.

Каждой вещи (феномену, явлению) в ЭМ соответствует потенциально неограниченное количество психосферных «версий» — продуктов «расслоения» исходной квантовой констелляции. Каждый посланный в ИМ интенциональный «запрос»-импульс создаёт новую психосферную версию. Вероятность актуализации этих версий зависит, прежде всего, от их собственного энергетического потенциала и от силы и качества посылаемого из ЭМ интенционального импульса. При этом наибольшей вероятностью воплощения обладают версии, минимально изменённые по отношению к уже воплощённым. Поэтому подавляющее большинство изменений во Вселенной — это флуктуационные колебания изменённых под действием окружения форм вокруг общего для них всех психосферного паттерна. Его конфигуративно-энергетический модус называется психической матрицей.

Корреляция между психосферным и наличным существованием описывается категориальной оппозицией: *паттерн — форма*,

— психосферные образования не могут описываться в категориях единичности и локальности; проекции общего паттерна могут параллельно вовлекаться во множество процессов и участвовать в формировании множества структур разной степени проявленности. Под действием психосферного окружения, т.е. испытывая воздействия разнообразных потен-

циалов интенционального поля, эти образования могут, сохраняя свою психическую матрицу, «на выходе» приобретать всевозможные модифицированные, гибридные и эфемерные формы,

Не случайно, в фольклоре многих народов существует устойчивое убеждение, что силы потустороннего мира не имеют «настоящего» лица, прячась за множеством личин. Столь же примечательно и другое убеждение: образы запредельного мира могут «материализовываться», т.е. обрести физическую форму в эмпирическом хронотопе лишь на недолгое время, мобилизуя для этого значительную часть своего энергетического потенциала. Ведь по своей онтологии, они «не дотягивают» до полной объективации в ЭМ. Впрочем, о полной объективации в строгом смысле говорить не приходится. Культурная, т.е. смысловая реальность объективна лишь постольку, поскольку она есть результат консенсуса. Поэтому «количественный» план объективации всегда зависит от МПН. Психосферные образы вполне «объективно» воспринимают дети до примерно 4-х лет, пока инкультурация не перекрывает естественные правополушарные каналы ПМ, оставляя лишь узкие и подконтрольные щёлки. Воспринимают эти образы и взрослые в ИСС или в приближенных к ним состояниях. Сильные индуктивные импульсы из психосферы способны «пробить» и защитные кордоны сознания, при условии, что импульсы эти оформляются в релевантных ему смысловых кодах. ПМН — не просто фильтр, «просеивающий» интенциональные импульсы психосферы, но их преобразователь в культурно-смысловой модус. А энергия психосферных интенций, преломляясь сквозь призму ПМН, претерпевает нечто вроде кеносиса — умаления, т.е. сохраняя своё структурное качество, убывает количественно. Одним словом, ответ на вопрос: для кого существует психосферная субреальность, содержится в ПМН. В зависимости от них и общекультурного контекста, она может в той или иной мере объективироваться как для визионеров-одиночек, так и для больших социальных групп.

Таким образом, психосферные образования обнаруживают себя в ЭМ не в виде «объективной реальности», а в виде реальности-для-отправителя соответствующего далеко не всегда осознанного интенционального запроса. К примеру, экзальтированное религиозное сознание настроено на получение определённого рода перцептов постоянно и потому, они могут появляться совершенно неожиданно для отправителя запроса. Такова природа массовых видений, индивидуального и коллективного визионерского опыта и т.п.

Взаимодействие с запредельным миром интерактивно. Интенциональные воздействия — индукции — из психосферы вероятно, даже в большей степени изменяют ЭМ мир, чем импульсы из последнего — мир зап-

редельный. Наиболее сильные воздействия на человеческую ментальность оказывают — *эгрегоры* — «энергетически разросшиеся» психические матрицы, объединяющие в своей конфигурации несколько фрактальных уровней психосферы.

Здесь важно ещё одно обстоятельство, связанное с пониманием значения *воли* в ПМН. Воля как интенциональная мобилизация для реализации *экзистенциальной необходимости* и воля как *желание* эго — не просто нечто разное, но и нередко прямо противоположное. Разницу эту понимали ещё охотники верхнего палеолита, изобретавшие разнообразные магические хитрости, дабы избежать направления в психосферу ложных и «неправильных» эгоистических импульсов, которые препятствуют желательному-и-должному развитию событий. Осознание того, что своими целенаправленно-волевыми действиями человек нарушает естественный ход вещей, наполняло его неизбывным «психосферным ужасом». Позднее проблема гармонизации двух типов воли осознавалась как преодоление отпадения индивидуального эго от истинно-должного закона запредельных сфер и решалась в пространстве религиозного сознания и вырабатываемых им психотехник от даосского слияния эго с естественно-необходимым течением жизни до «умного делания» в восточном христианстве. Гегелевская же сентенция: «Дурная воля волит против всеобщности воли» — указывает на безнадёжность борьбы с «дурной волей» в секулярную эпоху.

Вторая важнейшая и намного более сложная тема — проблема культурного кода как агента-медиатора. Коротко её можно сформулировать в виде вопроса: какую роль играют семантико-семиотические репрезентации в медиационном процессе между ментальностью и *оно само* — адресатом интенционального обращения? МР утверждает, что такие репрезентации чисто условны: например, звуковая оболочка слова совершенно нейтральна по отношению к его денотату (Ф. де Соссюр).

С этой точки зрения, агент медиационной связи и его знаковый репрезентант не только не единосущны, но даже и не подобосущны. Не случайно, согласно одной из распространённых концепций символа, означаемое и означающее не должны быть ни в чём меж собой схожи. В этом случае, вопрос знаковой репрезентации смысла и стоящей за ним ПМ сводится только к правилам установления языковых конвенций. Носители мифологического, религиозного, мистического и оккультного мироощущения, напротив, свято убеждены, что «истинные» знаковые формы — суть безусловные атрибуты или эманации адресатов медиации или, иначе говоря, образ и прообраз единосущны.

Важно иметь в виду, что в магических техниках ПМ принцип *pars pro toto* (часть вместо целого), который этнологи и исследователи пер-

вобытных культов усматривают в архаических магических традициях, проявляется лишь в наблюдаемом, посюстороннем мире. Иными словами, этот принцип действует при обращении сознания к вещам, но не к кроющимся за ними психосферными образованиями. В психосфере же, как и в мире имплицативных квантовых потенциалов, нет ни целого, ни частей: эти понятия просто могут быть к нему применены. А коридоры пространственно-временной локализации, ограничивающие поле вероятностей для того или иного психосферного образования — это вовсе не прямой аналог отношений части и целого в классическом (эмпирическом) мире. Несколько ближе к отражению психосферной связи термин *эманация*. Но и он, по-своему неточен. В любом случае, имена, символы или физические атрибуты адресата связи, с помощью которых последний вовлекается в процесс ПМ — не выступают здесь ни его частями, ни знаковыми репрезентациями. Вернее, всё это присутствует, но лишь в «здешнем», эмпирическом измерении, которое фиксирует лишь внешнюю сторону процесса. С внутренней же, психосферной стороны адресат и то, что представляется его частями или знаковыми репрезентантами — есть лишь условно отдельные и тесно скоррелированные компоненты запутанной констелляции (системы) где воздействие на один компонент автоматически отражается на другом, сколь угодно удалённом. Притом, что степени квантовой запутанности разных компонентов системы могут различаться, общность квантовых полей так или иначе, поддерживает между ними когерентные отношения. Поэтому в объяснении эффекта магического дальнего действия посредством агента-атрибута адресата воздействия можно апеллировать к феномену квантовой нелокальности.

В раннем культурогенезе ментальность была априорно нацелена на поиск и выделение из внешнего континуума тех вещей, символизация которых концентрировала в себе наиболее важные и содержательные мифоритуальные смыслы. Это были своего рода порталы ПМ для первобытного коллектива. Не следует забывать, что социальный коллектив всегда обладает несравненно большими индуктивными возможностями, нежели отдельный индивидуум. Коллективная магическая индукция, творит культурную реальность, и потому, сохранение социального единства коллективного ментального поля, единства партиципационных устремлений — *idea fix* любой культурной системы от архаической до современной. Иное дело, что начиная с эпохи ДР индуктивные возможности индивидуума (особенно личности) резко возрастают. Поэтому, в культурогенезе диалектика социального (коллективного) и индивидуального приобретает перво-степенное значение.

Погружаясь в портал ПМ, ментальность «извлекает» оттуда семантически «архетипических» образов, вокруг которых тотчас начинают «клубиться» облака смысловых коррелятов. Здесь и рождается проблема связи магической мифосемантики с семиотическим концептом т.е. с самим эмпирическим феноменом и, что самое главное, с соответствующим ему психосферным образованием. Иными словами, вопрос формулируется так: насколько физическая и стоящая за ней психо-нтенциональная природа предмета определяет его мифосемантику и все производные от неё знаковые репрезентации? Ответ на этот сложнейший вопрос не может быть дан в плоской дихотомии *или – или*, но лишь в образе протяжённой шкалы промежуточных состояний. Для краткости изложения, разобьём эту шкалу на три отрезка, каждый из которых соответствует особому режиму конструирования реальности.

Первый – исторически восходит к эпохе архаического и древнего сознания. Здесь указанные агенты связи находятся в положении *естественного, докультурного по генезису интенционально-энергетического родства*. Такая диспозиция соответствует ранним формам культуры и ментальности и предполагает в идеале полную неотчуждаемость знака от обозначаемого им феномена. Знак переживается как его неотъемлемый атрибут и полноценный заменитель в любых смысловых контекстах. Обычно такую установку принято рассматривать как наивный самообман архаического сознания, принимающее за *оно само* его знаковую репрезентацию. Однако с учётом всего сказанного выше, есть основания полагать, что здесь мы имеем дело с *действительной* актуализацией вполне объективной и естественной глубинной связи. Иначе говоря, из континуума всеобщей нелокально-квантовой связи всего со всем, архаическая ментальность вычленяет блоки, отмеченные связью более конкретной, сильной и актуальной за счёт плотности и компактности интенционально-энергетических потоков, эти блоки пронизывающих.

Погружаясь в целостное и эмоционально насыщенное партиципационное переживание, ментальность отмечает своё присутствие в данном психосферном «топосе» в виде меток, знаков и имён, присваиваемых феноменам, которые как бы внезапно открываются сознанию и получают в нём смысловую модальность. Встраиваясь таким образом в *естественные* интенциональные констелляции, ментальность подключает к ним свой энергетический потенциал и становится дополнительным компонентом (пока ещё вполне «натуральным») соответствующего топоса – интерференционного узла интенций. В этой позиции ментальность полусpontанно усиливает (именно усиливает, а не произвольно устанавливает сама) связь между вовлечёнными в топос агентами. В качестве тако-

вых могут выступать люди, животные, камни, природные явления, состояния, места и проч. — т.е. любого рода *таковости*, которые, выделяясь из континуума спонтанной правополушарной перцептивности, обретает смысловую онтологию. На первом отрезке сознанию ещё невероятно далеко до позиции холодного и отстранённого наблюдателя за вещами, наклеивающего на них произвольные семиотические ярлыки. Для раннего сознания знаковый репрезентант — это сама или почти сама вещь, и в психо-интенциональном контексте ранней культуры, объективность такой связки включает в себя не только смысловой, но и в некоторой степени и *физический* модус.

Целостность ранней ментальности, его правополушарная доминативность с присущей ей безошибочной животной интуицией превращает знаковый арсенал культуры в набор «рычажков и кнопок», с помощью которого сознание входит в каналы интенциональных связей между эмпирическими и психосферными агентами и, полуосознанно ими манипулируя, оказывают на последние эффективное магическое воздействие. При этом формой самоорганизации смыслового поля является миф. Не случайно, одно из определений мифа, данных А.Ф. Лосевым, гласит: «Миф есть развёрнутое магическое имя»¹³. Таким образом, на первом отрезке, феномен и его знаковый репрезентант связаны максимально, и связь эта естественна, органична и внековенциональна.

Если на первом отрезке можно говорить о физическом сращении, *онтологической диффузии психических матриц знака и означаемого на квантовых уровнях*, то на *втором*, прямой контакт сознания с глубинной онтологической связанностью утрачивается. Развивая квантовую метафору, можно сказать, что мера запутанности смещается в сторону классических свойств. Под угрозой травматического «выпадения из бытия», не говоря уже о жизненной прагматике, сознание вынуждено устанавливать связь между феноменом и его знаковым репрезентантом *принудительно*, т.е. не на основе интуитивного определения скрытых физических связей и их магической актуализации, а на основе условных культурных конвенций. Таким же принудительным образом происходит «привязывание» выделяемого в культуре класса феноменов к соответствующим психосферным потенциалам, которые «на самом деле» уже никак (или почти) не связаны с ними «объективно» на глубоких онтологических уровнях.

Так в рамках искусственно установленных конвенций в культуре складывается сфера не ситуационно, но *априорно сакрального* — т.е. таких таковостей, которым культура императивно предписывает служить эффек-

¹³ Лосев А.Ф. Философия. Мифология Культура. — М., 1991. — С. 170.

тивными агентами связи с запредельным. И на этом отрезке вышеназванной шкалы, культурная конвенция – не есть принуждение на службе у фикции. Культурный код (конвенция) аккумулирует и направляя индивидуальную или коллективную интенциональную энергию в заданное русло, хотя в некоторой степени актуализует действительную (онтологическую), а не только условную связь: как между феноменом и психосферным субстратом, так и между феноменом и знаком. Ведь, к примеру, «намоленные места» или священные изображения (фетиши, идолы, иконы) – не есть чистая условность или, как принято считать в механистической науке, самовнушение. Механизм медиации здесь довольно прост: конвенционально установленная (но далеко не всегда чисто произвольная) смысловая связь привязывает психосферное образование к некоей эмпирической форме.

На определённом уровне аккумуляции интенционально-энергетический потенциал этого образования достигает стадии самоорганизации и способности оказывать самостоятельное суггестивно-индуцирующее воздействие на реальность и, прежде всего, на реальность коллективного сознания. Так культурное сознание (точнее, ментальность) соучаствует в конструировании реальности. Интрига же в том, что прямые и обратные связи с запредельным почти никогда не бывают строго симметричны: из психосферы почти всегда приходит не то или не совсем то, что желалось и ожидалось.

На втором отрезке берёт начало разворачивание Культуры как сверхприродной сферы или семиосферы в лотмановском понимании. Мир знаков постепенно самоорганизуется и начинает жить собственной жизнью, выстраивая всё больше опосредующих слоёв между феноменами и переживающим сознанием. Начиная с эпохи системного кризиса мифоритуального мира и до современности, этот процесс вызывал приступы болезненной рефлексии, вызывая к жизни разнообразные проекты «исправления имён» от Конфуция до Гуссерля и Хайдеггера. Впрочем, современность имеет дело уже не со вторым, а с третьим отрезком. На втором же, принудительное связывание знака и феномена в культурной конвенции ещё не вполне лишено глубинных естественных «подпорок», опереться на которые, впрочем, с развитием многочисленных опосредующих ПМ форм становится всё труднее.

На последнем, *третьем* отрезке торжествует чистая конвенциональность. Знак и означаемое уже действительно ничем друг другу не обязаны, а если какая-то внеконвенциональная связь ещё теплится, то проявления её имплицитны и несущественны, ибо не фиксируются в культурных смыслах. Это классический, говоря физическим языком мир, где вещи

и знаки выступают по отношению друг к другу как внешне и взаимообособленные. Это не значит, что глубинные связи исчезли: они просто вытиснились из формируемой поздним культурным сознанием картины мира. Теперь они проявляются подспудно, из-под многослойных напластований культурного материала, опосредующего прямые и обратные медиационные связи с психосферой, и влияние их на содержание принудительных смысловых конвенций случайно и минимально.

Такое положение дел указывает на достижение Культурой стадии саморазвития, на которой континуум естественных, докультурных по генезису связей, уходя в фоновый режим, уступает место искусственному континууму смысловых форм, представленных в дискретных знаковых репрезентациях. В этой ситуации, культурное сознание стоит перед выбором: либо прорываться «назад к естеству» путём опрощения и «расчистки» загромождённого семантико-семиотического пространства культуры¹⁴, либо, «очертя голову» идти вперёд к воссозданию культурно-смыслового сектора всеобщей холономной связи искусственными, технологическими средствами. Интернет здесь — только начало. Впрочем, эту тему следует рассматривать отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блум К. Теория матрицы плотности и ее приложения. — М., 1983.
2. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.

¹⁴ Вспомним в этой связи Призыв Э. Гуссерля «Назад к вещам!».